

Île Thélème
СУДОВЕЩНОЕ ПРОСТРАНСТВО

СЕМЬЯ ТРАУГОТ. ВЕРА ЯНОВА

ВЫСТАВКА

4 октября – 2 ноября

Île Thélème

«Мы чувствуем себя частью маленького объединения
художников...»

В новом сезоне галерея Île Thélème откроет московской публике еще одно ленинградское явление – художественную династию Траугот. Мы готовим выставочный триптих «Семья Траугот», который начнется с выставки Веры Павловны Яновой.

«Семья Траугот» была культурным явлением, характерным для Ленинграда, Москвы и для России конца 1930 – 1950-х годов в целом, когда свободная творческая мысль под гнетом системы развивалась катакомбно, свернувшись в сеть узких «квартирных» кружков художественной интеллигенции.

Выставка организована совместно с проектом «Трауготовские чтения».

О Вере Яновой

Вера Павловна Янова (1907–2004) – уникальный и исключительно самобытный художник. Её творчество безусловно является яркой страницей ленинградского искусства, значимым и во многом ещё ожидающим осмысления явлением.

Вера Янова – жена художника «круговца» Георгия Николаевича Траугота, мать одних из наиболее заметных художников ленинградской послевоенной иллюстрированной книги – Александра и Валерия Трауготов, вместе с отцом образовавших знаменитый книжный тандем Г.А.В. Траугот.

Она избрала свой путь, практически полностью отказавшись от публичного показа своих произведений, так же как и от вступления в Союз художников (ЛОСХ) или в любую другую официальную или «неофициальную» группу художников. Её работы на протяжении жизни никогда не выставлялись на городских выставках, с ними были знакомы лишь представители ближнего семейного круга – круга семьи Траугот. Этот круг, между тем, имел немаловажное значение для культуры и искусства Ленинграда, в него входили представители творческой интеллигенции, во многом сохранявшей связи с искусством довоенного Ленинграда, художники, писатели и поэты, учёные, люди, подчас обладающие самыми различными взглядами, но объединённые истинной любовью к искусству. Этот принцип – жизнь и любовь в искусстве – положен в основу работы

всех представителей семьи Траугот, свои произведения художники считали согласованными, совместными. Вероятно, такое «настоящее» отношение к искусству, его своеособость, в некоторой степени обусловило заметное влияние творчества Трауготов и Яновой на некоторые явления в ленинградском искусстве, не всегда прямое, но звучащее отголоском сказанного слова.

Работы Веры Яновой – это удивительный, экспрессивный мир цвета и чувства, где последнее – чувственное переживание – положено в основу её живописи. В её обширном творческом наследии можно выделить основные жанры: городской пейзаж, натюрморт, портрет, религиозные образы. Но само понятие жанра в её работах часто стирается, один жанр переходит в другой, происходит смешение и смещение смысловых и изобразительных приемов, в привычном смысле – живописных основ.

Смелый и уверенный подход к рождению и построению, практически возвращению изображения; сложное «осознание» цвета, часто не совпадающего с цветом (из)начальной природы (будь то городской пейзаж, цветы или портрет), когда цвет становится своего рода характеристикой изображённого, его внутреннего состояния; непрямая, но каждый раз невероятная, витальность её работ, «обязательное» одушевление сюжета, своего рода попытка запечатлеть «душу» уходящего момента, дня, настроения. Всё перечисленное является уникальным языком живописи Веры Яновой, определяя её особое и безусловно значимое, пусть и не всем пока понятное, место в истории ленинградского искусства.

Наталья Георгиевна Звенигородская о Vere Яновой:

«Живописный темперамент художницы друзья называли ваноговским. Широкие мазки лепят цветом форму и пространство, прописывают планы и акцентируют значимые детали. Вера Павловна не любит сырой краски, она смешивает ее на палитре, добиваясь невероятных, всегда чистых и звучных оттенков. Интересно написала о манере ее работы Анна Лепорская: «Природа (ее) живописи не выносит открытого цвета. Живописные произведения имеют протекание тона через весь холст. (Она) всегда затирает краску из тюбика, смешивает ее, образуя тон, и мало того, вводит

в этот тон еще и другой, образуя живописную ткань. Примером тому служит Сезанн».

Вера Павловна работала во всех жанрах живописи, кроме, разумеется, тематической картины. Нередко жанры в ее живописи смешиваются. Она любила писать цветы на фоне открытого окна – так в натюрморт входил пейзаж. Портреты часто писались в мастерской на фоне находящихся рядом с моделью картин. И только пейзажи и религиозная живопись сохраняют жанровую целостность.

Портреты художницы очерчивают круг ее семьи и самых близких людей. Эти произведения – не просто фиксация знакомых лиц в той или иной обстановке, не моментальные снимки. Это вневременные образы, образы навсегда. Условность формы в них носит какой-то категорийный характер. Деформации, смещение планов, невероятные цвета, неожиданные срезы лиц краями картины создают ощущение дискретности самого живописного пространства, давно вышедшего за пределы эвклидовой геометрии.

Также смещены и возрастные рамки – персонажи, пребывающие в бесконечно протяженном времени мифа, который пишет художница, выглядят, по воле автора, то значительно моложе, то старше своих лет. Так, Георгий Николаевич всегда очень юный, почти мальчик. В его облике проглядывает какая-то незащищенность. Татьяна Глебова, напротив, выглядит старше и умудреннее. В силу той же закономерности в кругу портретов Яновой спокойно сосуществуют живые и мертвые. Рядом с образами сыновей (они, кстати, тоже почти всегда маленькие дети), Владимира Кошелева, ближайшего друга, собственно говоря, члена семьи, портретами приемного сына Михаила Войцеховского, Владимира Стерлигова, Татьяны и Людмилы Глебовых, Якова Друскина, Александра Арефьева, Роальда Мандельштама и Родиона Гудзенко, – присутствуют изображения умершей еще в 1930-х годах няни художницы Авдотьи Васильевны Сучиной, погибших в блокаду матери Веры Павловны Анны Яновой и художницы Натальи Пономаревой, первой жены Константина Янова. Появляются и вовсе вымышленные образы, как Михаил Кузмин и Юрий Юркун».